

Старовойтова Елена Олеговна, ассистент кафедры Теории общественного развития стран Азии и Африки Санкт-Петербургского государственного университета, e.starovoytova@spbu.ru

Янченко Денис Геннадьевич, к.и.н., доцент Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, d.yanchenko@spbu.ru

УДК 93/94

Роль китайских переселенцев в экономическом освоении Дальнего Востока России на рубеже XIX-XX вв.¹

Аннотация

Особый интерес отечественных и зарубежных ученых в последнее время вызывают проблемы отношений России с Китаем на Российском Дальнем Востоке и Северо-Востоке Китая во второй пол. XIX - н. XX вв. Экономическая экспансия Великих держав на Дальнем Востоке в полной мере затрагивала Россию. Освоение малозаселенного края, как и 110 лет назад, по-прежнему остается одним из приоритетов российского правительства. В статье освещается история китайской эмиграции на российский Дальний Восток на рубеже XIX-XX вв. и роль китайских переселенцев в экономическом освоении края.

Annotation

The problems of Sino-Russian relations in the Russian Far East and Northeast China in the second half of the 19th and early 20th centuries are recently of particular interest of both Russian and foreign scholars. The economic expansion of the Great Powers in the Far East fully affected Russia. The development of a sparsely populated region, just as 110 years ago, remains one of the priorities of the Russian government. The article is dedicated to the role of Chinese immigrants in the economic development of the region in late XIXth – early XXth c.

Ключевые слова: Россия, Китай, русско-китайские отношения, Дальний Восток России, колонизация, китайские иммигранты

¹ Статья выполнена при поддержке Российского Научного Фонда. Проект № 18-18-00142 «Центр и регионы: экономическая политика правительства на окраинах Российской империи (1894-1917)»; This research was supported by the Russian Science Foundation. Project № 18-18-00142 “The Center and the regions: state economic policy on the outskirts of the Russian Empire (1894-1917)”.

Keywords: Russia, China, Sino-Russian relations, Russian Far East, colonization, Chinese immigrants

Освоение дальневосточного региона было одной из важнейших задач русского правительства на рубеже XIX-XX вв. Как и в наши дни одной из основных проблем был нехватка трудоспособного населения в крае. Несмотря на меры по привлечению переселенцев из европейской части страны на Дальний Восток - освобождение от налогов сроком до 20 лет и др. - приток рабочей силы был ограничен, в первую очередь, из-за отсутствия необходимых путей сообщения. Как отмечалось в источниках, «дорог, соединяющих округ с внешним миром, нет» [1. Л. 125.]. Тяжёлые климатические условия препятствовали сообщению по рекам. В тайге отсутствовал корм для лошадей. Российское правительство столкнулось также с проблемой обеспечения продовольственной безопасности на Дальнем Востоке. Как отмечает М.В. Ходяков: «основные направления помощи сельскому населению России на случай неурожая и голода начали законодательно регулироваться и осуществляться в общероссийском масштабе лишь на рубеже XIX–XX вв.» [2. С. 41.].

Дальневосточный регион развивался за счет городского строительства, промышленности и судоходства. В его освоении велика была роль частного капитала. Золотые прииски, пароходные компании и т.п. принадлежали крупным промышленникам и землевладельцам. В погоне за выгодой они привлекали к труду наёмных китайских рабочих, которые были дешевле и, как отмечалось в ряде документов, «трудолюбивей», хоть и не столь выносливы, как русские.

Изначально основными поселенцами в крае были ссыльные Цинской империи, бежавшие из Маньчжурии, и разорившиеся китайские крестьяне. Жили они поодиночке, «приспосабливаясь к жизни аборигенов» [3. С. 34.]. В основном, это были жители северных регионов Китая, мужчины-одиночки, занимавшиеся промыслами. Северо-восток Китая, граничащий с Россией,

исторически был одним из самых отсталых регионов. С к. XIX в. началось заселение северных территорий. Основную массу трудовых мигрантов составляли низшие слои китайского населения: разорившиеся крестьяне, ремесленники, мелкие арендаторы. В Маньчжурии далеко не все находили работу, т.к. регион до строительства Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) был довольно отсталым. По данным, приведённым в работе китайского историка Ли Юнчана, население северо-восточных районов Китая, экономически связанных с Российской империей с 1850 по 1910 г. возросло с 2 898 000 чел. до 21 582 000 чел. [6. С. 11.]. В целом, к. XIX в. – период активизации китайской эмиграции в страны Юго-Восточной Азии, в США, Латинскую Америку, Японию и на русский Дальний Восток.

Как отмечает Ф.В. Соловьёв, «китайские отходники на русском Дальнем Востоке вплоть до XX столетия жили по своим законам, не подчиняясь русской администрации» [3. С. 70.]. У китайцев существовала собственная система администрирования, «всегда было развито чувство землячества» [3. С. 72.]. В городах китайцы жили отдельными районами, практически не вступая в контакт с русскими. Многие из них были бессемейными и сохраняли связи с родиной [3. С. 74.]. В к. XIX – н. XX вв. на Западе появляется понятие «Chinatown» - название подчас нескольких кварталов, занимаемых китайской общиной в большом городе. Такая община являлась «каким-то подобием общины в самом Китае» [5. С. 65.].

Быт китайцев-отходников был крайне скудным. «Китайские помещения ... представляли собой муравейник: повсюду – на нарах, на столах, на прилавках и на полу – вповалку спали люди. Духота и смрад наполняли жилище. Питались китайцы плохо, в столовых и харчевнях пищу готовили в грязной посуде» [3. С. 82.]. Яркое описание положения коренного китайского, маньчжурского и даурского сельского населения в начале XX в. оставил русский офицер-пограничник В.П. Крузенштерн [7. Л. 1, 16, 17, 18, 28, 44, 45, 46.]. Стараясь как можно сильнее обособиться от русских, китайцы организовывали (зачастую нелегально) собственные больничные

учреждения, увеселительные заведения: игорные дома, дома терпимости, опиумные курильни, театры, клубы и т.п.

Что касается отношений китайских отходников с русским переселенцами, то следует отметить возникшее недопонимание между этими группами населения Дальнего Востока. Основной причиной было элементарное незнание языков и культурных традиций. Помимо этого, русские рабочие и коммерческие служащие сталкивались с конкуренцией со стороны дешёвого китайского труда. Как отмечает В.Г. Дацышен, «за полвека так и не наметилось сближение двух общин: русской и китайской. Отчуждённость китайцев по отношению к русским была аналогична отношению русских к китайцам. ... Признавая превосходные качества китайца-земледельца, купца, промысловика, русские всё же вольно или невольно презирали китайцев, очевидно так же и китайцы воспринимали русских» [8. С. 32.]. Как писал журналист-современник описываемых событий И.С. Левитов о Дальнем Востоке «русский человек там, это человек белой кости, а китаец чёрной» [9. С. 24]. В то же время, говорить о расовом неприятии не приходится - Дальний Восток России исконно был местом проживания большого числа малых народностей. Ситуация здесь значительно отличалась от сложившейся в очагах западной эмиграции китайцев в к. XIX в. В США, например, частой практикой был разбой по отношению к переселенцам из Азии, вплоть до убийств, которые происходили при попустительстве властей.

Причиной бегства китайцев на территорию русского Дальнего Востока был поиск любых источников дохода, что отражалось на многообразии способов заработка. Китайские отходники ориентировались на различные виды промыслов. Благоприятные климатические условия на территории Приамурья и Приморья, уникальные флора и фауна позволяли добыть и средства традиционной китайской медицины, и продукты, используемые в национальной китайской кухне, и меха, высоко ценимые маньчжурской и китайской знатью. По неполным официальным данным, «в 1879-1884 гг. на территории Уссурийского края находились примерно 2256 – 2356 китайцев, занимавшихся промыслом» [3. С. 62.]. С каждым годом приток таких «добытчиков» возрастал, но они составляли лишь малую часть

общего числа китайских иммигрантов в регионе.

По-настоящему важную роль в экономической жизни Дальнего Востока играли китайцы-земледельцы, составлявшие по данным переписи 1897 г. 33% китайского населения в Амурской области и 11,5% в Приморской [10. С. 49.]. В отличие от русских крестьян, китайцы быстро приспосабливались к местным условиям. До начала активной колонизаторской политики при Столыпине нельзя говорить о каком-то давлении со стороны китайских крестьян тем более о том, что они «отбирали» хлеб у русских земледельцев. Как отмечали наблюдатели, китайцы, арендуя земли у казаков, обладавших огромными землями по «отводу Духовского», превращали тех в мелких помещиков, благосостояние которых росло за счёт дешёвой рабочей силы. Нередкими были случаи когда китайцы брали в аренду у русских землю на длительный срок (до 16 лет) и строили на ней дом, который после переходил к владельцу надела с остальным имуществом [9. С. 48.]. Причина же возникавших конфликтов заключалась в невозможности ассимиляции (культурной и религиозной) пришлого китайского и корейского населения.

Самую многочисленную группу китайских отходников составляли рабочие, используемые в различных сферах производства. Они были крайне востребованы на Дальнем Востоке России, в основном, в строительстве (в первую очередь, железнодорожных путей и портов), работе на добыче полезных ископаемых (прежде всего, золота). В отличие от промысловиков, рабочие начали проникать в эти регионы группами, по мере развития промышленной инфраструктуры. «Первая партия китайских рабочих (150 чел.) была набрана в провинциях Шаньдун и Чжили и в середине 70-х годов прошлого [XIX в. – авт.] столетия доставлена в Приморскую область...» [3. С. 44.]. Рабочие-китайцы были заняты как на казённых, так и на частных предприятиях. Они требовали меньших расходов на содержание, довольствовались скромным бытом. В отличие от русских, китайцы не пили, не требовали прибавки, не бунтовали, работали (как и сейчас) практически без выходных и праздников. Если на содержание русского рабочего в летний сезон (с мая по октябрь) уходило 35-40 руб. в месяц, то китайцу платили 14-

20 руб., и, хотя производительность русского рабочего была в среднем на 25% выше, китайский труд был выгоднее. Зимой русский рабочий требовал 40-45 руб., китаец только 12-15 руб. [1. Л. 127.]. Русский сезонный рабочий зимой возвращался домой. До 1903 г. за отсутствием железнодорожного транспорта такая отправка для работодателя была крайне проблематична. Китайцы этого не требовали и находились практически в полной зависимости от предпринимателей. Наём осуществлялся большими партиями, через подрядчиков-китайцев. Подписав русский контракт, китаец-рабочий, не знавший языка, так же, как и в других мировых центрах эмиграции, уже не мог повлиять на своё положение. Очевидно, что такая ситуация устраивала и работодателей, и подрядчиков, а с началом Первой мировой войны – и администрацию, нуждающуюся в дешевой рабочей силе не только в Азии, но и в европейской России. Русских рабочих промышленники «избегали как своевольных и требующих по отношению к себе исполнения рабочего законодательства» [1. Л. 127.].

В экономическом развитии края важную роль играли китайские торговцы и предприниматели, деятельность которых начала развиваться с 70-х гг. XIX столетия и фактически продолжалась до установления советской власти в начале 1920-х гг. Основную часть русских переселенцев в имперской России «а ргіогі» составляли казаки, военные, крестьяне и чиновники. Рыночная ниша оставалась свободной, что дало возможность китайским предпринимателям практически полностью её занять к началу активного этапа освоения Дальнего Востока. До 1909 г. – отмены порто-франко на Дальнем Востоке, отсутствие путей, по которым русские товары могли доставляться в регион, делало жизнь без китайских товаров проблематичной для местного населения. Это касалось, в первую очередь, Приморского края, вдоль Амура численность русских торговцев была довольно велика, сказывалось развитие судоходства, но всё же китайская розничная торговля на Дальнем Востоке в к. XIX – н. XX вв. составляла серьёзную конкуренцию русской. Китайцы организовывали торговые фирмы,

в которые, помимо самих предпринимателей, в качестве пайщиков входили и служащие. И.С. Левитов писал: «китайские синдикаты... страшны для развития европейской торговли выдержанностью, тактом, силой» [9. С. 11.]. Например, в 1893 г. во Владивостоке было 127 китайских магазинов и лишь 23 русских [3. С. 54.]. Вполне очевидно, что торговый оборот китайцев был зачастую выше, чем у русских. Вместе с китайской торговлей ещё в 70-е гг. XIX в. начало развиваться китайское предпринимательство, которое занималось, в основном, обеспечением нужд китайских отходников на территории России (мелкое производство), был развит каботаж. К моменту активной фазы переселения на Дальний Восток власти оценивали китайскую бизнес-активность уже не столь оптимистично. В докладе, переданном П.А. Столыпиным в Думу в октябре 1908 г. отмечалось: «... китайцы являются неуловимыми распространителями китайской водки-ханшины, тайными скупщиками хищнически добываемого золота, наконец, среди них много бродячего преступного люда, из которого составляются шайки хунхузов. Между тем наплыв китайцев растет: в 1907 г. их проживало в Приморской области около 70 тыс. чел., Амурской свыше 13 ½ тыс. чел. и Забайкальской – 8 тыс. чел. Прилив китайцев в ближайшие годы еще увеличится, в виду усиленного стремления в Приамурский край китайских рабочих, привлекаемых разнесшимися среди них сведениями о постройке Амурской железной дороги» [11. Л. 4 об.].

В целом, данные о численности китайских переселенцев на российском Дальнем Востоке разнятся. Как отмечала, например, «Амурская газета» в 1895 г., в крае не было ни одной деревни, где не было бы китайской лавочки [12. С. 92]. Согласно результатам переписи 1897 г., приводимым А.Г. Лариным, в России проживало 57000 китайцев (включая дунган), из которых 41000 – на Дальнем Востоке [13. С. 18]. По данным Т.Н. Сорокиной, в 1900 г. китайское население Приамурского генерал-губернаторства насчитывало 51801 чел. (15106 чел. в Амурской области, 36 тыс. – в Приморской и 695 – в Забайкальской) [10. С. 37.]. Отметим, что в правительственных дискуссиях

после Русско-японской войны именно Забайкалье рассматривалось как исключительно русская территория, надежный оплот обороны и колонизации региона [14. Л. 1-1 об.].

В 1910 г. численность китайцев в Приамурском генерал-губернаторстве достигла своего пика: Ф.В. Соловьёв называет число 94124 чел. [3. С. 39.], Т.Н. Сорокина – 93041 чел. [10. С. 40.]. В начале XX в. на Дальнем Востоке России не было структур, способных подсчитать всех китайских переселенцев, в т.ч. огромное количество нелегалов. Ли Юнчан утверждает, что в 1910 г. китайцев в России насчитывалось 111466 чел. [6. С. 18.]. Он ссылается на работу В.В. Граве «Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье» [15], изданную в 1912 г. А.Г. Ларин полагает, что число китайских переселенцев в регионе в первой четверти XX в. находилось в диапазоне 150-250 тыс. чел., в среднем, составляя 10-12% населения края [13. С. 23.].

Наличие многочисленной китайской общины на Дальнем Востоке привело российские власти к необходимости создания специальной системы управления ими. Первые попытки организации китайских земледельцев были приняты ещё в 1881 г. военным губернатором Приморской области И.Г. Барановым. Тогда впервые были вывешены объявления на русском и китайском языках, которые говорили о том, что китайцы, проживавшие на данной территории, должны подчиняться русским властям и соблюдать русские законы.

Первый генерал-губернатор образованной 16 июля 1884 г. Приамурской области барон А.Н. Корф заложил основы дальнейшего экономического развития края (добыча угля на Сахалине, организация котикового промысла на Командорских островах и др.). Корф уделял особое внимание вопросу о китайских переселенцах, проводил политику компромисса с местным населением (организация школ для инородцев, съезды местных деятелей) [16. С. 369.]. Генерал-губернатор впервые предпринял попытку введения билетной системы учёта количества китайцев, находившихся на русской территории. Согласно правилам, вступившим в силу с 1885 г., китайцы, прибывшие на территорию России после 1860 г.,

могли переходить границу лишь в специально отведённых местах, где они получали визу стоимостью 30 коп. сроком на один месяц, по истечении которого было необходимо приобрести русский билет за 1 руб. 20 коп. При отсрочке необходимо было уплатить штраф, а безбилетных иммигрантов высылали на родину [17. С. 40-41.]. Стоимость виз и билетов постепенно возрастала, но всё же всегда была незначительной. К 1908 г. как иностранцы «китайцы и корейцы были обложены особыми сборами при визировании их национальных паспортов и выдачи им русских билетов. Из сборов этих зачислялись в казну основной налог с каждого билета /4 р. 10 к./ и штраф за просрочку обмена билетов /5 р. - с китайца и 3 р. - с корейца/ по смете доходов Министерства внутренних дел, а гербовый сбор /60 к./ по смете доходов Департамента окладных сборов. Дополнительные сборы за визирование национальных паспортов и выдачу русских билетов /30 к./ поступали в депозиты местной администрации. В отношении расходования этих сборов не было установлено определенного порядка» [11. Л. 5.].

Как отмечает Е.И. Нестерова, такой способ учёта пришлых китайцев казался русской администрации универсальным, но в условиях всё усиливающегося притока переселенцев он практически не действовал. Законы, имевшие силу в отношении других иностранцев на территории Российской империи (визы, билеты и пр.), на Дальнем Востоке не работали.

С приходом в 1893 г. нового Приамурского генерал-губернатора С.М. Духовского политика русской администрации изменилась. Указы о создании китайских управлений юридически не имели силы, т.к. не получили высочайшего утверждения. Китайские управления, действовавшие на основе административного распоряжения, были официально упразднены в 1897 г., хотя некоторые из них реально просуществовали до 1901 г. Власть отказалась от возможности хоть как-то влиять на внутреннюю жизнь китайских общин на Дальнем Востоке [17. С. 45-49.]. Ставка была сделана на активную русскую колонизацию и экономическое развитие территорий вдоль Амура и приграничной Маньчжурии как единственную альтернативу

усиливавшемуся иностранному влиянию в регионе. Полагаем, что в условиях острой конкуренции с Японией за ресурсы северо-восточного Китая [18. С. 586] обострение отношений империей Цин по вопросам миграционной политики на Дальнем Востоке не входило в планы русского правительства.

В начале XX в., с завершением строительства КВЖД, приток иммигрантов из Цинской империи увеличился. Наём китайских рабочих промышленниками шёл только через подрядчиков-китайцев, «которые собирали артели рабочих и умели немного говорить по-русски, являясь весьма лукавыми посредниками, а нередко и единственными переводчиками» [19. Л. 5.]. Русско-японская война привела к массовой миграции китайского населения и ломке сложившихся хозяйственных связей. Неопределенность, отсутствие политического урегулирования в отношениях России с дальневосточными соседями – Японией и Китаем в 1906-1907 гг. не способствовали стабилизации миграционной политики.

Администрации всех уровней было тяжело контролировать китайское население. Во-первых, было невозможно «разобрать особые отношения рабочих к подрядчику; во-вторых, по отсутствию надлежащего счетоводства, понятного и русским, и китайцам; в-третьих, вследствие постоянной бесконтрольной замены одних рабочих другими, и, в-четвертых, наконец, в виду таких, написанных по-русски, условий, заключенных хозяином с подрядчиком, по которым последний [находился – авт.] вполне и всегда в руках хозяина» [19. Л. 5.]. Попытка введения расчётных книжек для учёта китайских рабочих не увенчалась успехом. Подобные документы чаще всего подписывались вымышленными именами и не имели никакого значения для китайцев, не умевших читать по-русски. Билеты, введённые еще при А.Н. Корфе, спокойно переходили из одних рук в другие. Постоянными явлениями стали нарушения со стороны мелких чиновников, полиции, предпринимателей и подрядчиков, заинтересованных в притоке дешёвого труда.

Указы генерал-губернатора зачастую имели статус временных постановлений, а значит, со сменой администрации могли вступить в действие противоположные решения. Организатор русских рабочих артелей некий купец Белой из Владивостока в своей телеграмме в Петербург председателю Совета министров П.А. Столыпину писал: «К сожалению, и местная администрация, не разбирающаяся причинами печального положения русских рабочих, под влиянием богатых промышленников, подрядчиков и поставщиков поддерживала ... китайский труд и оставляла на произвол судьбы русских рабочих». Белой напрямую обвинял власти в пренебрежении русскими интересами: «в 1908 г. губернатор Амурской области на Хабаровском съезде заявил о ненужности в крае беспокойных русских рабочих, ибо есть достаточное количество хороших рабочих китайцев...» [20. Л. 67.].

С началом XX в. появились радикальные предложения по ограничению наплыва китайских рабочих на русский Дальний Восток, например, переход в кратчайшие сроки от «жёлтого» труда к русскому. Оговоримся, что термин «жёлтый» часто использовался в к. XIX – н. XX вв. для обозначения людей восточноазиатского типа, в данной статье применяется исключительно как исторический термин. С 1901 г. покупка и аренда казённых земельных участков могла осуществляться только русскими подданными. Современники признавали, что строительство КВЖД задержало развитие Дальнего Востока. Российские крестьяне-колонисты либо оседали в Маньчжурии, где проходила железная дорога, либо оставались в западной и центральной Сибири. Благодаря этой линии Транссиб вел не к российскому порту – Владивостоку, а к Желтому морю, «интересы огромнейшей и бедствующей российской территории были принесены в жертву китайской провинции» [21. С. 611.].

В планах Приамурского генерал-губернатора П.Ф. Унтербергера было «воспретить китайцам и корейцам аренду казённо оборонных земель, а остальным, имеющим на это право, сдавать их на особо льготных условиях,

но с воспрещением пользоваться «жёлтыми» рабочими» [22. Л. 26-26об.]. В отдельной работе [23] уже рассматривались особенности правительственной политики крестьянского переселения. Подчеркнем, что после Русско-японской войны приоритеты изменились, и акцент, в целом, делался на русском заселении края.

В 1914 г. Приамурский генерал-губернатор издал обязательное постановление, запрещавшее владельцам приисков нанимать безбилетных (т.е. не обладавших разрешением на работу) китайцев и корейцев. Предприниматели были обязаны сами вести учёт количества иностранных рабочих (и даже наделять каждого особым отличительным знаком). В случае обнаружения безбилетных рабочих на владельца прииска ложилась материальная ответственность по их высылке за пределы России, налагался штраф в размере 3000 руб., или заключение сроком до 3-х месяцев [1. Л. 129.].

Можно констатировать, что китайские переселенцы сыграли существенную роль в истории освоения Дальнего Востока России. На начальном этапе его экономическое освоение было невозможным без участия китайского труда, и часто бывало так, что обедневшие переселенцы из европейской части России становились зажиточными людьми благодаря дешёвому труду китайцев. И.С. Левитов писал: «Вы не найдёте на Дальнем Востоке той страшной нищеты, которую мы видим в Европейской России» [9. С. 24.].

После начала Первой мировой китайцы продолжали играть важную роль в освоении края. Как отмечает М.В. Ходяков, к середине 1915 г., в связи с необходимостью милитаризации экономики страны, российское правительство вновь столкнулось с острой необходимостью притока дешевого китайского и корейского труда, в первую очередь, для работ на железодобывающих и каменноугольных предприятиях [24. С. 8.]. А.Г. Ларин говорит о массовой вербовке китайских рабочих для нужд российской экономики военных лет, которая развернулась по всему Китаю – от

Маньчжурии до Шанхая и даже Синьцзяна [25. С. 64.]. О масштабах использования китайского труда говорят приведенные в монографии А.И. Петрова сведения о том, что руководство предприятий использовало не только китайский труд, но и закупало в Китае привычную для китайцев одежду и даже продукты питания, что было довольно выгодно [12. С. 610-611.].

Нельзя забывать о значительном числе китайцев, принимавших участие в Октябрьской революции 1917 г. и Гражданской войне в России. По мнению Ли Юнчана, китайцы поддерживали Октябрьскую революцию, в том числе, и из-за жестоких мер царского правительства по ограничению привлечения китайского труда и высылке китайских рабочих с Дальнего Востока России. После образования СССР китайская диаспора по-прежнему продолжала оказывать влияние на развитие экономики края, хотя официально об этом принято было умалчивать, особенно в периоды напряженных отношений между двумя странами.

Вопрос о роли китайской иммиграции в развитии дальневосточных рубежей России снова стал крайне актуальным в конце XX в., когда ситуация в регионе во многом стала схожа с положением столетней давности (депопуляция, зависимость от экспорта, недостаточная промышленная база, финансовые проблемы, слабая система администрирования). Коллапс центральной власти, ослабление охраны государственной границы России в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. привели к почти бесконтрольному проникновению китайцев на территории русского Дальнего Востока.

Источники и литература:

1. РГИА Ф. 37. Оп. 67. Д. 966.
2. Ходяков М.В. Хлеб Маньчжурии и государственные интересы России на Дальнем Востоке накануне Первой мировой войны // Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина № 3/60. Рязань, 2018. С. 39-45.

3. Соловьёв Ф.В. Китайское отходничество на Дальнем Востоке в эпоху капитализма (1861-1917 гг.). М.: Наука, 1989. 124 с.
4. Дацышен В.Г. Очерки истории Российско-Китайской границы во второй половине XIX – начале XX в. Кызыл, 2000. 215 с.
5. Лайнгер С.Р. К вопросу о китайской эмиграции в страны Латинской Америки // Страны Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии (проблемы истории и экономики). М., 1969. С. 60-71.
6. Ли Юнчан. Китайские рабочие в России и Октябрьская революция. (李永昌“旅俄华工与十月革命“ (Люй Э Хуангун юй Шиюэ Гэмин)). Шицзячжуан Хэбэй цзяюй чубань шэ, 1988. 366 с.
7. BAR. General Ms Coll Kriger. Justina Kruzenstern Memoirs. Из записок шт. ротмистра I-го Заамурского конного полка Пограничной стражи В.П. Крузенштерна.
8. Дацышен В.Г. Русско-китайская война 1900 г. Маньчжурия. СПб: ООО «Галерея Принт», 1996. 144 с.
9. Левитов И.С. Желтая Россия. СПб: Г. Бернштейн, 1901.
10. Сорокина Т.Н. Хозяйственная деятельность китайских подданных на Дальнем Востоке России и политика администрации приамурского края (конец XIX – начало XX вв.). Омск: Изд-во ОГУ, 1999. 264 с.
11. РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 492. Ч. 1.
12. Петров А.И. История китайцев в России 1856-1917 годы. СПб: ООО «Береста», 2003. 960 с.
13. Ларин А.Г. Китайцы в России вчера и сегодня: исторический очерк. М.: Муравей, 2003. 224 с.
14. РГИА. Ф. 394. Оп. 1. Д. 64.
15. Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье [Текст]. Выпуск XI / В.В. Граве; Н. Гондатти. СПб.: Типография В. Киршбаума, 1912. [2]; 4 с., IV с., 480 с.; [3] л., 481-489 с. прил.; [3] с. (Труды командированной по высочайшему повелению Амурской экспедиции).

16. Институт генерал-губернаторства и наместничества в российской империи: В 2 т. / Под общей редакцией В.В. Черкесова. Т. 1 / Научные редакторы тома Д.И. Луковская, Д.И. Раскин. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. 456 с.
17. Нестерова Е.И. Управление китайским населением в Приамурском генерал-губернаторстве (1884-1897 гг.) // Вестник ДВО РАН. №2. Владивосток, 2000. С. 40-50.
18. Янченко Д.Г., Старовойтова Е.О. Перспективы экономического развития Китайско-Восточной железной дороги после Русско-Японской войны: региональный аспект и петербургская политика // Новейшая история России. Т. 8. №. 3. СПб, 2018. С. 583-597.
19. РГИА Ф. 37. Оп. 77. Д. 626.
20. РГИА Ф. 1276. Оп. 2. Д. 614.
21. Дятлова А.К. Внешняя политика Российской империи на Дальнем Востоке на рубеже XIX-XX вв. в работах Стивена Маркса // Известия Пензенского государственного педагогического университета имени В.Г. Белинского. Гуманитарные науки. № 27. 2012. С. 609-612.
22. РГИА Ф. 394. Оп. 1. Д. 44.
23. Янченко Д.Г., Слободзян Г.М. Колонизация русского Дальнего Востока в правительственной политике в 1909-1911 гг. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2017. № 12. С. 93-106.
24. Ходяков М.В., Чжао Чжицин. Трудовая миграция китайцев в Россию в годы Первой мировой войны // Новейшая история России № 1. Санкт-Петербург, 2017. С. 7-30.
25. Ларин А.Г. Китайские мигранты в России. История и современность. М.: Восточная книга, 2009. 512 с.